

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	6
Глава I. Столкновение империй	9
Глава II. Борьба за Евразию	40
Глава III. Периферийные зоны уязвимости	87
Глава IV. Одномерный соперник: оценка угрозы	114
Глава V. Стратегические императивы США	157
Глава VI. Американские геополитические приоритеты	218
Глава VII. Превосходя исторически	270
Сводка основных положений и рекомендаций	286

ОТ АВТОРА

Эта книга — побочный результат моей деятельности на посту помощника президента США по национальной безопасности с 1977 по 1981 г. и преподавательской деятельности по проблемам национальной безопасности США после возвращения в Колумбийский университет на должность профессора в 1981 г. Поэтому я в первую очередь признателен своим бывшим коллегам по совету национальной безопасности и студентам Колумбийского университета, с которыми и для которых я стремился выработать цельную систему стратегических взглядов. Кроме того, при написании книги мне принесло большую пользу сотрудничество с Центром стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, где были созданы прекрасные условия для серьезного обсуждения геостратегических проблем.

Окончательный вариант рукописи был просмотрен и подвергнут критическому анализу двумя близкими мне людьми, мнением которых я особенно дорожу, — профессором Сэмюелом Хантингтоном и генералом Уильямом Одомом. Они не несут ответственность за недостатки окончательного варианта, но их критические замечания и рекомендации во многом улучшили то, что теперь дошло до читателя. Отдельные части законченной рукописи прочитал также полковник Гарри Саммерс-младший, и я благодарен ему за полезные комментарии.

В основу книги положен следующий главный тезис: американо-советское состязание не какое-то временное отклонение, а исторически сложившееся противоборство. Это состязание носит глобальный характер. Однако оно

имеет отчетливые геополитические приоритеты, и, чтобы одержать верх, Соединенные Штаты должны вести его на базе последовательной и широкой стратегической перспективы. Поэтому данная книга посвящена не порокам советской системы в противопоставлении с достоинствами американской демократии, а представляет собой практическое руководство к действию.

Исходным пунктом в книге «План игры» является геополитическая борьба за господство в Евразии, но в ней также затрагиваются второстепенные и косвенно вытекающие из этой борьбы вопросы, равно как и соперничество в океане и космосе, служащее продолжением борьбы за контроль на земле. Тем самым полностью показана геостратегическая структура исторически сложившегося американо-советского противоборства.

Создание исключительно разрушительного ядерного оружия привело к вероятности того, что американо-советское соперничество не обернется в конечном итоге войной — если война не вспыхнет в результате ошибочного расчета или если одна из сторон не достигнет столь подавляющего ядерного превосходства, что соблазнится нанести удар первой.

Это означает, что конфликт между США и СССР превратился в «игру». Каждая из сторон играет в соответствии со своими собственными правилами и ведет свой собственный счет. Каждую из них сдерживает лишь боязнь возмездия за излишне провокационную тактику.

Такая необычная игра, не имеющая перспективы достижения победы традиционного типа и официально установленных правил, частично кодифицирована опытом и ограниченным взаимопониманием, примером чего является контроль над вооружениями. Однако она по-прежнему остается исключительно мобильным соперничеством с применением маневра, давления, а иногда даже и силы. Первая цель в игре — не потерпеть поражения; вторая —

набрать очки согласно собственной системе подсчета (или системе ценностей); конечная, но отдаленная цель — одержать победу.

Чтобы выстоять в этой исторической игре, требуется не только политическая воля, но и долгосрочный план. В этой книге делается попытка определить в общих чертах необходимые компромиссы с учетом неизбежных бюджетных трудностей и наметить подходящий геостратегический план игры для США.

ГЛАВА I. СТОЛКНОВЕНИЕ ИМПЕРИЙ

В начале 1985 г. министра иностранных дел одной из стран НАТО принимал его почтенный советский коллега — Андрей Громыко. Проявляя профессиональную общительность или, возможно, учтивость, вызванную чувством ностальгии в связи с предстоящей отставкой, советский министр неожиданно поведал своему гостю, что он взял себе за правило несколько раз в неделю удаляться из рабочего кабинета в небольшую комнату отдыха, где он может поразмышлять наедине с самим собой. Пригласив несколько удивленного и одновременно польщенного этим западного гостя пойти туда вместе с ним, Громыко с нескрываемой гордостью отворил дверь, ведущую в маленькую комнату, где напротив большой настенной карты мира стояло удобное кресло. «Примерно час, — сказал Громыко, — я ничего не делаю, а лишь сижу здесь, смотрю на карту и думаю...».

Просто, но впечатляюще! Много ли найдется на Западе министров иностранных дел, людей, часто не слишком сведущих в вопросах внешней политики и обычно занимающих свои посты самое большее года три, которые удосуживаются систематически размышлять над значением геополитики и стратегии для выработки внешнеполитической линии своих стран? Сомнительно, чтобы многие государственные секретари США (а их за время пребывания Андрея Громыко на своем посту сменилось девять) проводили много времени в глубоких размышлениях над историческими и геополитическими императивами, определяющими отношения страны с остальным миром.

Можно лишь предполагать, что имел в мыслях Громыко, маститый министр иностранных дел великой россий-

ской империи, находящейся под властью коммунистов и названной в данную историческую эпоху Союзом Советских Социалистических Республик, когда он созерцал распростертое на стене изображение нашей планеты. Самая большая часть суши, соотносительные размеры которой преувеличены за счет плоскостной проекции на карте, была обозначена буквами кириллицы — «СССР». По величине она доминировала огромным, составляющим единое целое Евразийским континентом, лишь крайние оконечности которого не управлялись из Москвы, а расположенная к югу Африка казалась едва ли не его придатком. По другую сторону голубого водного пространства лежало заметно меньшее Западное полушарие, где господствовал главный противник СССР, находящийся в Северной Америке.

Глядя на размещившийся подобным образом на плоской карте мир, Громыко считал, видимо, противоестественно до горечи обидным, что далекая североамериканская страна столь глубоко вовлечена в политические и экономические проблемы этого занимающего центральное положение Евразийского материка, протянувшегося от Камчатки до Гибралтара. По мнению размышляющего о положении дел русского государственного деятеля, решительное стремление упомянутой страны удержать периферийные регионы — Запад Европу, Дальний Восток и Южную Азию — вне сферы влияния Москвы можно было объяснить лишь агрессивными происками, явно рассчитанными на подрыв законных интересов СССР на Евразийском континенте.

По всей видимости, думал он, карта ясно показывает некоторые «железные законы глобальной политики: водное пространство должно затруднять проникновение североамериканского агрессора в эти ненадежные периферийные регионы центральной части материка, тем самым обеспечивая «естественный» геополитический раздел мира.

Министр иностранных дел был, разумеется, не только геополитиком, но и государственным деятелем, над которым довлела идеология. Такой «естественный» раздел глобального влияния, когда Москва держала бы под контролем занимающий центральное положение материк, а Вашингтон ограничился бы Западным полушарием, изменил бы соотношение сил в мире в пользу социализма, покончив с мировым превосходством враждебной социально-экономической и политической системы, возглавляемой противником в лице Вашингтона.

Однако подобные глобальные и весьма апокалипсические идеологические размышления не смогли бы отвлечь ни умеренного опытом русского министра иностранных дел, ни его преемников от непосредственных политических задач, которые определены именно с позиций геополитики. Карта, висящая на стене, помогала сосредоточиться, уточнить и аргументировать первоочередные цели, укрепиться во мнениях, определить, какие благоприятные возможности следует использовать в случае их появления. Значение карты подкреплялось знанием истории: Громыко также признался что он больше всего любит читать мемуары своих предшественников на посту министра иностранных дел.

Постоянный поиск целей придавал, таким образом, геополитическую направленность советской внешнеполитической деятельности. В противоположность этому соперники Громыко на Западе слишком часто проводили внешнюю политику рефлекторно. Они реагировали в основном на происходящие события, не говоря уже о склонности демократических стран ставить отдельные факты выше исторической перспективы. Как однажды пренебрежительно сказал Громыко одному из своих коллег, его противники «путают тактику со стратегией... Отсутствие твердой, согласованной и последовательной политической линии является их большим недостатком».

Между тем карта может не только способствовать пониманию проблем, но и ввести в заблуждение. Она может вызвать искаженное представление о действительном соотношении сил, нарушая реальные размеры и порождая ложное ощущение центральности географического положения. Поскольку для карты центр выбирается произвольно, она может представить любую страну как основную в глобальной политике. Например, в течение долгого времени китайские карты мира совершенно естественно подтверждали политическое значение термина «Срединное царство». Не удивительно поэтому, что обычные советские карты мира, включая те, которые находятся в официальном советском атласе, имеет прямую линию на 40-м градусе долготы, помещая Москву в самый центр мира. Западное полушарие находится в левой стороне сбоку. От гигантского, довлеющего над остальным миром Евразийского континента его отделяет океан. К западной части континента примыкает Африка, а Австралия плавает поблизости от юго-восточной оконечности Евразии.

Визуальный эффект имеет явную геополитическую направленность: находящиеся в центре континент и столица государства физически господствуют над земным шаром. Следовательно, и политические реалии должны соответствовать этим физическим фактам.

Вряд ли стоит говорить, что подобное изображение не слишком точно передает положение дел в мире. Геополитическая оценка земного шара, а не плоская карта порождает иные точки зрения. Во-первых, Северная Америка, которая включает Соединенные Штаты и Канаду, более близка по размерам к СССР, чем это изображается на советских картах. Во-вторых, океаны скорее не разделяют, как это выглядит на карте, а связывают огромные, выступающие из воды острова, называемые континентами. Обширные водные пространства служат объектами для осуществления стратегического контроля с помощью преобладающих во-

енно-морских сил, являются торговыми морскими путями, а также помогают расширению культурных связей. Такой стратегический контроль может поэтому привести к органичному развитию политических, экономических и культурных связей между периферийными регионами континента и отдаленной трансокеанской державой.

К тому же карта не передает экономической мощи и не позволяет судить о жизнеспособности и размерах населения. Мир выглядит в значительной степени по-иному, если пользоваться этими критериями. Если же принять во внимание размеры валового национального продукта, то Соединенные Штаты получают явное преимущество, превосходя в 2 раза своего ближайшего конкурента. Помимо этих осязаемых факторов, нужно принимать во внимание и такие не поддающиеся учету качественные факторы, как социальная творческая энергия и прогресс новейшей технологии, не говоря уже о культурном динамизме.

Было бы в высшей степени удивительно, если бы Громыко и его преемники игнорировали эти соображения. Опыт Громыко, несомненно, научил его уважать перечисленные выше факторы, так как они помогли свести на нет геополитический детерминизм, который позволил бы Москве установить полный контроль над занимающим господствующее положение континентом. Однако другие государственные деятели часто впадают в ошибку противоположного характера — они слишком легко сбрасывают со счетов территориальный фактор внешней политики, хотя рассмотрение внешней политики с учетом данного фактора позволяет привлечь внимание к тесной связи между географией и политической мощью, между территорией и народом, между историческими тенденциями и геополитическими приоритетами. Без этого внешняя политика теряет крайне необходимую связь между национальной мощью и глобальной стратегией.

Историческое соперничество

Американо-советские отношения являются классическим примером исторического конфликта между двумя крупнейшими державами. Однако они выходят за рамки обычного государственного конфликта. Они также представляют собой борьбу между двумя имперскими системами, которая впервые в истории — заключает в себе попытку двух стран добиться мирового господства. Из этих трех утверждений американский народ готов инстинктивно признать только последнее. Большинство американцев понимает, что американо-советское соперничество носит по своему размаху глобальный характер; иначе не могло бы и быть, так как почти все утренние газеты и все вечерние телевизионные программы новостей представляют наглядные свидетельства этого. В наше время американцы «настроены» на мировую волну с помощью средств массовой информации, и поэтому весьма естественно, что до их сознания доходят факты всеобъемлющего, глобального соперничества.

Парадоксально, но два других утверждения менее близки им по духу. Утверждение об историческом характере конфликта и мысль о том, что американо-советская борьба является последней по времени в длинной серии продолжительных противоборств между крупными державами, труднее усваиваются народом, у которого короткая историческая память и который склонен рассматривать мир как естественное состояние, а войну (или конфликт) как отклонение от него. Еще более непонятным кажется ему утверждение, что американо-советское соперничество — это в значительной степени не только борьба между демократическим и тоталитарным государствами, но и столкновение между двумя большими имперскими системами. Тем не менее, факт остается фактом; американо-советский конфликт действительно превратился в историче-

ское противоборство глобального масштаба между двумя господствующими в мире империями.

Соединенные Штаты и Советский Союз находятся в состоянии конфликта уже почти полвека, что является по своей продолжительности, несомненно, историческим периодом времени. В течение этих десятилетий каждая из сторон считала другую враждебной себе и угрожающей ее жизненно важным интересам и основным идеологическим принципам.

Каждая рассматривала другую как главный источник угрозы не только миру во всем мире, но и собственной национальной безопасности. Каждая громогласно заявляла о своей вере в такой ход исторических событий, который бы был равносителен ее победе, одновременно испытывая страх перед тем, что победу может торжествовать противная сторона.

Хотя такое соперничество стало главной особенностью двусторонних отношений в послевоенный период, американцы осознали это медленно. Интенсивность социального соперничества двух сторон была, видимо, понята лишь после запуска спутника в 1957 г. Наоборот, Советский Союз почти все время оценивал себя с точки зрения возможности «догнать и перегнать Америку». Соперничество с Америкой давно стало лейтмотивом деятельности советских правительств, внушавших советскому народу необходимость постоянного состязания с основной демократической страной Запада. С этих позиций, по крайней мере, для Советов, возникновение «холодной войны» между двумя сверхдержавами было нормальным явлением, неотъемлемой частью идеологии и истории.

Для Соединенных Штатов дело обстоит иначе. Многие американцы видели в союзе военного времени предзнаменование мира и сотрудничества в послевоенный период. Уолтер Липпман, без сомнения, выразил точку зрения большинства американцев, заявив на страницах газеты

«Нью-Йорк Геральд трибюн» в феврале 1945 г., сразу же после Ялтинской конференции, что Черчилль, Сталин и Рузвельт «приостановили и повернули вспять обычный ход событий в случае победы коалиции, которая, как правило, распадается после того, как война подходит к концу... Жизнь доказывает, что военный союз — отнюдь не преходящее явление, благотворное только перед лицом общего врага. На самом деле он представляет собой ядро и сердцевину нового международного порядка».

Непреходящее историческое значение Ялты состоит на самом деле в том, что она свидетельствует о постоянных амбициях России по отношению к Европе в целом. Ялта стала последней точкой тщательно отрепетированной советской дипломатии, ставившей перед собой цель добиться согласия Англии и США на преобладающую роль СССР во всей Европе. В Ялте Запад не только вновь робко поставил вопрос о Восточной Европе, но и отклонил — опять же нерешительно и туманно — советские притязания на доминирующее положение на западной оконечности Евразийского континента.

Поэтому было бы неверно считать, что в Ялте Запад согласился на раздел Европы. Правда заключается в том, что Франклин Д. Рузвельт и Уинстон Черчилль фактически уступили Иосифу Сталину Восточную Европу еще на Тегеранской конференции (в ноябре—декабре 1943 г.), а в Ялте у руководителей Англии и США появились определенные сомнения относительно этой уступки. Затем они предприняли последнюю, но не увенчавшуюся успехом попытку договориться хотя бы о некоторой свободе для Восточной Европы, что соответствовало бы надеждам Англии и США на установление демократии на всем Европейском континенте. Тем не менее, западным государственным деятелям не удалось противостоять жестокости усилившейся после войны советской мощи, и в результате столкновения между сталинской силой и наивностью Запада сила взяла верх.

Американо-советское столкновение потрясло большинство американцев. Однако потрясение произошло в форме горького разочарования, а не как реакция на естественное развитие событий. Американцы думали, что это странное и временное состояние должно вскоре прекратиться. Последовавшую затем «холодную войну», хотя она и вызвала произвольную вспышку чувств у многих американцев, по-прежнему рассматривали как своего рода недоразумение», с которым следует покончить великим актом примирения.

Этим и объясняются периодические вспышки надежды в преддверии американо-советских встреч на высшем уровне и даже после их завершения, а также мучительные и обескураживающие колебания общественного мнения — от эйфории в отношении разрядки и до истерии, порожденной «холодной войной».

В настоящее время большинство американцев начинает осознавать, хотя эта реальность воспринимается болезненно и неохотно, что американо-советские отношения действительно являются конфликтом, вызванным историей. Растет понимание того, что соперничество двух стран представляет собой борьбу, вызванную многими причинами борьбу, которая не может быть прекращена с помощью широких и быстрых мер и которую их стране придется вести терпеливо, но решительно многие десятилетия.

Это не только борьба идей или борьба за «сердца и умы» людей. Разумеется, идеологическое соперничество играет определенную роль, но его масштабы в последнее время сократились, что объясняется падением революционного пыла и идеологической притягательности Советского Союза. Конфликт между США и СССР проявляется главным образом в стремлении расширить влияние и господство над территориями и народами, а также в наращивании военной мощи с целью запугивания или сдерживания противника. Решающую роль в определении отпра-

ной точки, содержания и в конечном счете исхода этого исторического конфликта играют геополитические и стратегические соображения.

Конфликт между США и СССР возник как естественный результат крушения в итоге второй мировой войны международной системы, в основании которой находилась Европа. Довоенная система межгосударственных отношений, в условиях которой политическое и финансовое господство сохраняла за собой Великобритания, покоилась на поддержании непрочного равновесия на мировой арене между двумя крупными империями (британской и французской), несколькими более мелкими европейскими империями, восходящей японской империей и двумя крупными континентальными государствами (Германией и Россией). Соединенные Штаты же находились, по существу, в стороне от активных международных отношений в результате самоизоляции, вызванной отказом американского сената одобрить их членство в Лиге Наций.

Этот мир погиб во второй мировой войне. На останках старого мира, в котором господствовала Европа, возникло новое соотношение сил. Его определяли только две крупные державы, обе, по существу, неевропейские. Америка уже пользовалась влиянием в мировом масштабе, а Советский Союз господствовал на крупнейшем континенте мира, исторически и идеологически стремясь к статусу мировой державы. Вполне естественно, что Советский Союз рассматривал Соединенные Штаты как главное препятствие на пути к величию и осуществлению своих идеологических замыслов, хотя США вначале видели в СССР лишь угрозу безопасности их союзников, которую можно устранить с помощью тщательно разработанной политики военного сдерживания.

Таким образом, на первый план вышел тот самый исторический конфликт, который еще полтора века назад с удивительной проницательностью предсказал 26-летний

француз Алексис де Токвиль, и каждая из двух держав в конечном итоге приобрела достаточное могущество, чтобы «вершить судьбами» стран земного шара.

Хотя в конфликт включились новые участники, он явился наследием старого, ставшего почти традиционным соперничества и, несомненно, геополитическим столкновением в крупных морских и господствующих континентальных держав. В этом смысле Соединенные Штаты унаследовали роль Великобритании (ранее — Испании или Голландии), а Советский Союз стал преемником нацистской Германии (ранее — кайзеровской Германии или наполеоновской Франции). Морские государства наращивали свою мощь, используя доступные водные пути для создания трансокеанских анклавных владений, через которые они осуществляли политическое и экономическое влияние. Континентальные державы стремились к установлению господства на материке, чтобы тем самым противостоять гегемонии заморского интервента. История учит, что такие конфликты носят обычно затяжной характер и не поддаются быстрому разрешению в результате победы или компромисса, как это бывает в случае прямых столкновений между морскими державами или между континентальными странами.

Геополитические факторы уже сами по себе могли быть достаточными причинами для возникновения конфликта между двумя крупнейшими послевоенными державами. Однако положение осложнялось тем, что Америка и Советский Союз кардинально отличались друг от друга — в значительно большей степени, чем любые соперники, предшествовавшие им на протяжении истории. Пропась между ними можно определить по десяти признакам:

1. *По императивам их соответственного геополитического положения, как об этом только что говорилось.*

2. *По историческому опыту, который формировал политическое подсознание каждой страны.* Соединенные

Штаты были открытым, свободно расширяющимся обществом добровольных иммигрантов, которые не имели общего прошлого, но стремились к совместному будущему. Советский Союз был обществом, всегда подчиненных государству, строго регламентированным им и расширяющимся путем организованных из центра завоеваний и каторжных поселений.

3. *По философским ценностям, которые либо формируют национальное мировоззрение, либо узакониваются с помощью идеологии.* Соединенные Штаты придают первостепенное значение личности, что провозглашено «Биллем о правах». Советский Союз узаконил теорию и практику подчинения личности государству.

4. *По политической организации и политической культуре, определяющим то, как обсуждаются, принимаются и пересматриваются решения.* В Соединенных Штатах существует система открытого политического соперничества, подкрепленная независимыми средствами массовой информации и находящая выражение в тайном голосовании, свободных выборах и преднамеренном разделении власти на исполнительную, законодательную и судебную. В Советском Союзе все эти формы власти монополизированы в руках закрытого и подчиненного строгому порядку руководства, которое само себя выбирает и увековечивает, осуществляя полную цензуру средств массовой информации и придавая особое значение тщательно продуманной политической и идеологической обработке народа.

5. *По взаимосвязи духовного с политическим, которая помогает определить внутреннее содержание человеческой личности.* В Соединенных Штатах церковь специально отделена от государства ради максимального расширения свободы вероисповедания и сведения до минимума духовной роли государства. В Советском Союзе церковь подчинена государству, но не ради того, чтобы официально сохранять религиозные ценности, а с целью насажде-

ния поддерживаемого государством атеизма и строгого ограничения религиозной деятельности.

6. *По экономической организации.* В Соединенных Штатах сложилась система, которая, несмотря на несовершенство, предоставляет благоприятные экономические возможности и поощряет личную инициативу, частную собственность, рискованные предприятия и стремление к получению прибыли. И эта система обеспечила высокий уровень жизни большинству американцев. В Советском Союзе всю экономическую деятельность направляет политическое руководство при централизации основных средств производства в руках государства и преднамеренном ограничении свободной инициативы и частной собственности, что происходит в обстановке непрерывных экономических лишений и относительной отсталости.

7. *По образу жизни, выражающему стремление личности к удовлетворению своих запросов.* В Соединенных Штатах существует постоянно изменяющееся, сориентированное на потребителя, в высшей степени мобильное общество с несколько примитивной массовой культурой, которая подвержена различным зигзагам и часто искусному воздействию. Оно имеет тенденцию к неожиданным переменам в настроениях при недостаточно, видимо, развитом чувством гражданского долга. Это не позволяет государству официально предъявлять к личности слишком большие требования, что наглядно показывает отсутствие в Соединенных Штатах обязательной воинской повинности. Советский Союз поддерживает более строгое, ограниченное и поставленное под контроль существование людей в рамках насаждаемой сверху культуры, от которой советские граждане находят убежище в более глубоких и, возможно, более тесных семейных дружеских связях, чем в Америке. Однако на жизнь всех советских граждан накладываются тяжелый отпечаток требования официального социалистического патриотизма, а также милитаризация образования, осуществляемая даже на его начальных ступенях.

8. *По внешней идеологической притягательности обеих систем, определяющей отношение к ним в остальных странах мира.* В Соединенных Штатах существует общество, которое влияет на мир через средства связи и массовой информации, особенно сильно «американизируя» молодежную культуру и создавая преувеличенное, навеянное событиями в Далласе восприятие Америки. Советский Союз привлекателен для бедных стран, которые видят в нем пример якобы справедливого социального развития. Он преподносит себя в качестве передового отряда мировой революции, хотя подобный образ все более тускнеет по мере того, как мир убеждается в застое, экономической неэффективности и политической бюрократизации советского общества.

9. *По историческим циклам, через которые прошли эти великие страны на пути своего развития, достижения его наивысшей точки и упадка жизнеспособности и могущества.* Соединенные Штаты, несомненно, находятся в стадии апогея. И хотя некоторые полагают, что эта стадия осталась позади, США по-прежнему являются первой державой мира. Советский Союз сегодня, как и на протяжении всей своей истории, продолжает стремиться к положению Третьего Рима, и поэтому он, возможно, более заинтересован в достижении превосходства и более готов, чем его соперник, идти ради этого на необходимые жертвы.

10. *По содержанию понятия исторической победы, которое косвенно влияет на определение ближайших целей.* Соединенные Штаты без особого энтузиазма выражают свое стремление к «миру во всем мире» и всемирной демократии, а также патриотической и, несомненно, выгодной им тенденции ассоциировать такое положение дел на международной арене с продолжающимся превосходством Америки. Советский Союз предпринимает более концентрированные усилия для того, чтобы «перегнать Америку», стать во главе сообщества все более схожих по духу

социалистических государств и занять господствующее положение на Евразийском континенте, откуда было бы полностью устранено влияние его противника.

История не знает соперничества между двумя столь несхожими державами. Подобные контрасты не проявились даже в войне с нацистской Германией. Однако никогда еще к конфликту такого рода не подходили настолько осторожно. В истории конфликты этого масштаба — особенно если они были усилены различиями в системах — приводили к войне. Даже если принять во внимание, что конфликты между морскими и континентальными державами носят обычно затяжной характер, Соединенные Штаты и Советский Союз по всем предыдущим меркам должны были бы уже неоднократно воевать друг с другом. *Тем не менее, возоблагодало благоразумие.* Ближе всего они подошли к косвенному участию к войне, как это было в Корее. Столь необыкновенная сдержанность прямо вытекает из разрушительной силы ядерного оружия, которым обладают обе стороны. Оно лишает традиционных преимуществ, получаемых в результате военной победы. Этот новый фактор во взаимоотношениях побуждает к сдержанности, но он также способствует увековечению соперничества. Враждебность смешивается с чувством крайней неуверенности. Каждая из сторон должна делать все необходимое, чтобы другая сторона не добилась решающего военного превосходства, ибо в ядерный век нет времени для восстановления сил и возмещения потерь после начала войны. Ядерное оружие умерило пыл борьбы, но увеличило ее историческую продолжительность и напряженность.

Имперское соперничество

Американо-советское соперничество — борьба не только двух стран. Это борьба двух империй. Обе стороны приобрели имперские качества еще до их столкновения после второй мировой войны. Однако столкновение

усилило стратегическое значение присущих им имперских преимуществ и ускорило их развитие в этом направлении. Некоторые могут сказать, что подобная точка зрения равносильна утверждению, что между Советским Союзом и Соединенными Штатами существует своего рода «моральное равенство». Я не ставлю вопрос подобным образом. Я использую термин «империя» — как нейтральный в моральном плане — для характеристики иерархической системы политических взаимоотношений, управляемой из одного центра. Мораль такой империи определяется тем, как и в каких целях используется имперская власть и какова степень согласия тех, на кого она распространяется. Именно в этом наиболее отчетливо проявляются различия между американской и советской имперскими системами.

Московская империя имеет три наслоения. Во-первых, существует великая российская империя. Под властью 135 млн. великороссов находится примерно 140 млн. подданных, принадлежащих к множеству нерусских народностей, включая примерно 50 млн. мусульман Средней Азии и 50 млн. украинцев. Во-вторых, есть советская империя. Москва осуществляет контроль над странами-сателлитами, в которых проживает около 120 млн. восточноевропейцев, 15 млн. афганцев и 2 млн. монголов. В-третьих, следует назвать московскую коммунистическую империю, в котов входит ее имперская клиентура: Куба, Никарагуа, Вьетнам, Ангола, Эфиопия, Южный Йемен и Северная Корея. Эти страны поставлены в зависимость от Москвы в сфере политического руководства, военной поддержки и экономической помощи. Их население насчитывает примерно 130 млн. человек. Таким образом, 135 млн. великороссов осуществляют политический контроль над имперской системой, в которую, включая их самих, в совокупности входит около 545 млн. человек, проживающих на Евразийском континенте и на заморских территориях.

В основном, однако, в эту империю включены страны, границы которых соприкасаются, и она является плодом длительной и жестокой исторической экспансии. Действительно, отличительной чертой русской имперской системы является связь между милитаристской организацией русского общества и стремлением к территориальным приращениям, диктуемым инстинктом выживания. Это неоднократно отмечали российские историки и историки других стран. С незапамятных времен русское общество находило политическое выражение через посредство государства, которое было отобилизовано и строго регламентировано на военной основе и безопасность которого служила главным организационным стимулом. Отсутствие поддающихся четкому определению государственных границ делало территориальную экспансию очевидным путем обеспечения безопасности, а такая экспансия порождала новые конфликты, новые угрозы, а следовательно, и новые экспансионистские устремления. Был приведен в движение неумолимый исторический цикл: отсутствие надежной безопасности порождало экспансионизм; экспансионизм создавал отсутствие надежной безопасности, что в свою очередь подогревало политику дальнейшей экспансии.

Русская история является вследствие этого историей непрерывной территориальной экспансии. Экспансия из северо-восточных равнинных районов и лесов Московии продолжалась — почти постоянно — более 300 лет. Ее составной частью было продвижение на запад в борьбе против главных соперничающих держав, в результате чего Швеция была в конце концов вытеснена с восточной части Балтийского побережья, а Польско-Литовская республика подверглась разделам. Экспансия проявлялась и в настойчивом продвижении на юг, кульминацией которого после ряда поражений, нанесенных Османской империей, явилось подчинение украинских казаков и крымских татар, а также поглощение нескольких народов Кавказа и мусуль-

манской Средней Азии. Одновременно на восток вдоль границы Китайской империи и до Камчатки шел непрерывный поток поселенцев, ссыльных и военных экспедиций. По размерам и продолжительности такая территориальная экспансия, несомненно, является одним из примеров самых амбициозных и неустанных имперских устремлений, когда-либо известных истории. На протяжении почти двух веков Москва ежегодно присоединяла к себе территорию, равную Голландии или штату Вермонт!

Таким путем русским удалось поставить под контроль самую большую часть мировой недвижимости. Они осуществляют его, довольно густо населяя внутренние районы — обширную территорию, известную под названием «Европейская Россия», — и обосновываясь в меньшем, но политически значимом количестве в стратегически важных колониальных аванпостах Балтийского региона (включая Калининград), в отдельных частях Белоруссии, Восточной Украине, на северо-восточном побережье Черного моря, в крупных районах Казахстана и вдоль длинного пояса безопасности, идущего по Транссибирской магистрали вплоть до советского Дальнего Востока. Благодаря этому огромная незаселенная Сибирь эффективно изолирована от внешнего мира и доступна для постепенной колонизации.

Во время и после второй мировой войны господство Москвы распространилось почти на всю Восточную Европу. Это также произошло в основном благодаря военному захвату, подкрепленному идеологической трансформацией подчиненных стран. По поручению Москвы власть стали осуществлять зависимые от нее местные коммунистические функционеры, постепенно становясь все более заинтересованными в сохранении своих позиций и привилегий. Это сообщество было скреплено Варшавским пактом и усилено созданием экономической организации — Совета Экономической Взаимопомощи, который к началу

80-х гг. стал все больше использоваться Москвой для более тесной экономической интеграции Восточной Европы с Советским Союзом.

Таким образом, русская имперская система — с ее увечением власти элиты, стратегическими поселениями и национальным подчинением — возникла совсем не так, как другие империи последнего времени. Морская экспансия в отдаленные территории, где появлялись бы небольшие поселения, в данном случае не применялась. Все шло по более естественному для России пути. Это был процесс непрерывного проникновения на соседнюю территорию, подсказанный старинным инстинктом выживания, который диктовал необходимость приобретения дополнительных земель. «Отсутствие надежной безопасности» переводилось на язык непрерывной экспансии. В результате Россия на протяжении истории была не столько жертвой частой агрессии, сколько постоянным агрессором, наступая из центра в том или ином направлении, когда появлялась благоприятная возможность.

Любой перечень актов агрессии, совершенных против России за последние два века, выглядит незначительным по сравнению с аналогичным перечнем экспансионистских действий, предпринятых Россией против своих соседей. Хищнический характер великоросского империализма не подлежит сомнению. Пресловутое чувство постоянной опасности действительно присуще русским, но не потому, что Россия слишком часто была жертвой агрессии, а потому, что органически присущая ей экспансия подталкивала и приводила к территориальным приобретениям, что, естественно, вызывало сопротивление.

Два автора весьма убедительно прокомментировали эту проблему. Ричард Пайпс пишет в своей книге «Выжить — недостаточно» (1984):

«Разумеется, здравый смысл мог бы подсказать даже тем, кто не понимает этого, что страна, являющаяся посто-

янным объектом агрессии, не может стать самой большой в мире по своей территории, равно как не может разбогатеть человек, которого раз за разом грабят... В 90-е гг. прошлого века русский генеральный штаб провел подробное исследование истории участия России в войнах со времени основания государства. В томе, содержащем резюме данного исследования, издатель сообщал читателям, что они могут гордиться военными достижениями своей страны и с уверенностью смотреть в будущее: в период между 1700 и 1870 гг. Россия воевала 106 лет, приняв участие в 38 военных кампаниях, 36 из которых были „наступательными“ и только 2 „оборонительными“».

В книге Аарона Вильдавского «По ту сторону сдерживания» (1983) приводится следующее заявление Макса Зингера: «К Советскому Союзу лучше всего подошло бы определение *ненасытно* обороняющегося. Есть люди, которые не без основания утверждают, что Советский Союз является приверженцем наступательной политики — хотя, вероятно, весьма осторожной и терпеливой — вследствие своей идеологии или стремления к расширению подвластной ему империи. Однако, поскольку советская политика и ее опасность для нас остаются в основном неизменными независимо от того, руководствуется СССР оборонительными или наступательными соображениями, я не вижу оснований настаивать на том, что эти соображения являются наступательными. Возможно, так оно и есть, но нам не легче, если это и не так. Неудовлетворенность являющихся плодом собственного воображения оборонительных требований не приносит облегчения, если считать Советский Союз обороняющейся державой. Такая неудовлетворенность проистекает из того, что он не может надежно гарантировать достижение своей главной цели — сохранения империи, — пока мы сильны. Поэтому он не может испытывать чувства удовлетворения, пока мы способны противостоять его требованиям».

К тому же неизбежным следствием неослабной территориальной экспансии явилось возникновение имперского сознания у великоросского народа. Понятию «имперское сознание», возможно, трудно дать определение, но трудность выражения идеи не снимает ее с повестки дня. Есть что-то поразительно имперское в том, как русские настойчиво изображают себя в качестве «старшего брата» подчиненных ими народов. Имперская позиция проявляется также в спонтанном решении строить гигантские соборы русской православной церкви в самом центре столиц оказавшихся под их господством стран, как это случилось в XIX веке в Хельсинки и Варшаве. — Не является простым совпадением и то, что вместо Варшавского собора, взорванного в 1919 г. вновь обретшими независимость поляками, Москва 30 лет спустя возвела увековечивающий Сталина «Дворец культуры». Среди великороссов глубоко укоренилось чувство, что Москва должна сохранять нерусские народы Советского Союза и Восточной Европы в качестве особого владения матушки-России. Чтобы познакомиться со сделанным на основании собственного опыта анализом имперских и иерархических отношений, следует прочитать отчет бывшего польского посла в Вашингтоне Ромуальда Спасовского, ушедшего в отставку после введения военного положения в декабре 1981 г.

Великоросское имперское сознание представляет собой сложное сплетение религиозного мессианства, которое в течение долгого времени ассоциировало Москву с Третьим Римом, националистических инстинктов выживания и сохранения власти и возникшего гораздо позже идеологического порыва универсалистского типа. Чувство постоянной опасности, рожденное территориальной экспансией, также является частью этого сознания, а его параноидное отношение к внешнему миру было обострено коммунистической одержимостью видеть повсюду внутренних и внешних врагов. В противоположность амери-

канским взглядам, согласно которым многообразие считается нормальным явлением, идеологический компонент советского мировоззрения основан на том, что человечество в целом управляется некими «железными законами истории», которые удалось правильно расшифровать лишь советским руководителям. Таким образом, доктринерская уверенность в собственной правоте заставляет советских руководителей считать все те страны, которые не разделяют их мировоззрения, и особенно Америку, в своей основе враждебными себе. Короче говоря, с точки зрения Америки, различия — явление нормальное; по мнению же России — это симптомы конфликта.

В современную эпоху это сложное сплетение побудительных мотивов помогает создавать и поддерживать внешнеполитическое кредо, в соответствии с которым стремление к мировому господству, десятилетиями измеряемое соперничеством с Соединенными Штатами, превратилось в главную движущую силу. Продолжение присутствия России территориальной экспансии и советская коммунистическая идеология, являющаяся исторической преемницей концепции Третьего Рима, должны были неизбежно привести к столкновению с державой, которая тем временем проникла за океан, чтобы сдержать Москву на западной и восточной оконечностях евразийского материка. И эта трансокеанская держава во многих отношениях также была имперской по своему характеру.

Вначале американская экспансия очень сильно походила на российскую. Это прежде всего относилось к завоеванию Соединенными Штатами в XIX веке территорий, ранее принадлежавших Мексике. С другой стороны, американская экспансия, особенно в период доктрины «предопределения судьбы» на рубеже этого века, отражала океанский характер американской мощи. Благодаря морскому могуществу США распространили политическое господство на Кубу и страны Карибского бассейна, на Цен-

тральную Америку и за пределы Гавайских островов почти до азиатского побережья в результате приобретения военным путем Филиппинских островов. Такой откровенный империализм идеологически оправдывался демократическим универсализмом; в то же время выгодно использовалась свойственная Америке привлекательность как свободной и сравнительно богатой страны.

Американская имперская система получила свое полное развитие лишь после второй мировой войны. Ее возникновение носило во многом случайный характер. Выйдя из второй мировой войны без потерь, Соединенные Штаты были ведущей державой мира, валовой национальной продукцией которой составлял более половины продукции, производимой мировой экономикой. Это положение фактически и превратило Соединенные Штаты в империю. По причинам как международного, так и внутреннего характера США больше не могли безразлично относиться к событиям, происходящим, в сущности, в любых регионах мира. Политические и военные связи, которые, можно сказать, узаконили имперский статус США, образовались в результате возникновения «холодной войны». От первоначального намерения уйти из Западной Европы пришлось отказаться в результате растущей угрозы со стороны Советского Союза. Сузившийся периметр американской безопасности на Дальнем Востоке пришлось пересмотреть после вспышки войны в Корее. От выработанной позднее стратегии защиты американских интересов на юге Азии с помощью стран этого региона США отказались в результате внутреннего крушения Ирана и советского вторжения в Афганистан.

Как и Советский Союз, Соединенные Штаты столкнулись с геополитическими императивами. Тот, кто контролирует Евразию, занимает господствующее положение на земном шаре. Если Советский Союз захватит периферийные регионы этого континента — Западную Европу, Даль-

ний Восток и с Южную Азию, — то он не только установит контроль над огромными человеческими, экономическими и военными ресурсами, но и достигнет геостратегических подступов к Западному полушарию — Атлантического и Тихого океанов. Геостратегические границы обозначены так совсем не по воле случая. Кремлевские руководители вынуждены расценивать американское присутствие в Евразии как главное препятствие на пути к достижению своих геополитических устремлений. Точно так же Соединенные Штаты должны рассматривать свои трансокеанские позиции как передний край обороны, что избавляет их от необходимости организовывать оборону Северной Америки.

Хотя Соединенные Штаты взяли на себя имперскую роль с некоторой неохотой и не считая себя имперской державой, их внешнеполитические дебаты сосредоточены сегодня вокруг того, как лучше защитить имперские владения и управлять ими. И с обеих сторон политического спектра берутся на вооружение именно имперские аргументы. Это наиболее отчетливо проявилось в дебатах о политике США в странах «третьего мира», особенно по отношению к таким государствам, как Иран при правлении шаха или Филиппины при Фердинанде Маркосе. Сценарий такого рода повторяется часто: американская экономическая и военная помощь направляется в стратегически важные прозападные страны «третьего мира».

В какой-то из них существует авторитарное правительство, которое подвергается нападению со стороны враждебных Соединенным Штатам внутренних сил. По утверждению правых, национальные интересы требуют, чтобы Соединенные Штаты удержали у власти дружественный режим. Левые доказывают, что Соединенные Штаты должны использовать рычаги существующих программ помощи, чтобы вынудить правительство провести реформы или даже уйти в отставку. В первом случае мощь и влияние США должны использоваться для укрепления амери-

канских позиций, а во втором — для того, чтобы вызвать внутренние изменения в суверенном государстве. Однако обе стороны сходятся в том, что Соединенные Штаты имеют право использовать свою силу для воздействия на внутренние дела другой страны.

В отличие от советской американская империя не имеет общих границ, является относительно разобщенной и удерживается путем косвенных связей. Хотя имперская система, где господствуют США, оформлена договорными обязательствами — которые фактически определяют статус Западной Европы, Японии и Южной Кореи как американских протекторатов, — она в гораздо большей степени представляет собой переплетение общих интересов, а также неофициальных этнических и деловых связей. Присущая Америке склонность к демократическому принятию решений на основе общего согласия ослабляет ее политическое, экономическое и военное господство. Наиболее важными союзниками, находящимися под защитой США, являются Западная Европа, Канада, Япония и Южная Корея. Но у Америки существует и зависимая клиентура на Ближнем Востоке (Израиль и Египет), в Юго-Западной Азии (Пакистан) и в Юго-Восточной Азии (Таиланд и Филиппины). Имперская система в целом охватывает более 780 млн. человек по сравнению с населением советской империи, составляющим 545 млн. человек, но в ней отсутствуют идеологическое единство, политическая централизация и территориальная целостность, характерная для советского соперника. Поэтому границы американской империи не так легко точно обозначить.

Первоначально обе имперские системы были содружествами двух стран. Англо-американское содружество, олицетворяемое Рузвельтом и Черчиллем, отдавало предпочтительный статус внутри Западного союза Великобритании: эти особые отношения позволяли английским руководителям оказывать беспрецедентное влияние на

Вашингтон, что весьма наглядно проявилось в сдерживающей роли, которую играли Лондон по отношению к Вашингтону во время корейской войны. Коммунистический Китай также в течение некоторого времени был младшим партнером в гигантском китайско-советском блоке. Он зависел от советской помощи, но отнюдь не подчинялся Советскому Союзу. Мао Цзэдун был довольно сдержан в своем почтительном отношении к Сталину. Однако в отличие от Великобритании, мощь которой шла на убыль и особое положение которой постепенно сводилось на нет, Китай был на подъеме, что в конечном итоге привело к решительному разрыву с Кремлем. Таким образом, неоспоримое руководство внутри империи, ставшей теперь чисто советской, обошлось Москве дорогой геополитической ценой.

Америка обязана гибкостью своей имперской системы внешнему и внутреннему влиянию. Во внешнеполитической сфере защитная реакция стала тем фактором, который придал определенное направление первоначальным американским связям в вопросах безопасности с Западной Европой и Дальним Востоком, а также последовавшим вскоре широким планам экономического восстановления опустошенных войной протекторатов. Внутренним фактором оказался пестрый этнический состав самого американского общества.

В противоположность Советскому Союзу, где многочисленные народности подчинены господствующей нации, что в конце концов может вызвать опасный внутренний взрыв, присущая Америке этническая пестрота привела к культурному «взрыву» обратного характера, оказывающему влияние на страны, из которых произошли многие американцы. Это влияние выходит за пределы очевидных связей с Англией. Глубоко укоренившаяся популярность Америки во многих странах, таких, как Италия, Ирландия и Польша, непосредственно объясняется тем влиянием, которое оказывают на жителей этих стран миллионы их род-

ственников, ставших американцами. Это усиливает позитивное и притягательное воздействие американского образа жизни и порождает политические симпатии, которые еще более укрепляют официальные связи.

Это также позволяет Соединенным Штатам более целенаправленно развивать подобное преимущество, используя на дипломатических и деловых постах американцев, имеющих родственников за границей. По мере роста числа американцев азиатского происхождения аналогичный процесс начинает развиваться в отношениях с Кореей, Японией, Китаем, Индией и Юго-Восточной Азией.

Наконец, политические связи американской имперской системы укрепляются динамичным и исключительно творческим характером социально-экономических изменений, происходящих в Америке. Они являются образцом политического и экономического развития и способствуют добровольному притоку в Америку сотен тысяч иностранных студентов. Все это создает сеть взаимоотношений, по крайней мере не менее важных, чем первоначальное распространение за границей американской военной мощи.

В результате этих факторов — но особенно трансокеанского характера американской мощи — зависимые от США страны искренне считают себя их подлинными союзниками и по сути являются таковыми. В данном случае не следует игнорировать наличие политических разногласий и экономических конфликтов с Соединенными Штатами, но эти разногласия происходят в рамках преобладания общих интересов, когда географическая удаленность создает политическую притягательность. (Сосед моего соседа — мой друг, но не мой сосед!)

Целостный территориальный характер советской империи, наоборот, означает, что соседние страны рассматривают Москву как в своей основе враждебную и господствующую силу. Поэтому даже ее официальные союзники нередко выражают недовольство и во многих отношениях

являются потенциально ненадежными. Коммунистический Китай и Югославия, находящиеся в географической близости от Советского Союза, порвали с Кремлем. Раскол с Югославией создал опасный прецедент для Восточной Европы, а разрыв с Китаем нанес Советскому Союзу, стремящемуся к господству на континенте, особенно большой ущерб. Не удивительно, что к числу самых искренних друзей Москвы принадлежат такие географически удаленные от нее страны, как Куба и Вьетнам.

Имперский конфликт между Вашингтоном и Москвой ясно демонстрирует глубокие различия в их подходе к решению широкого круга международных проблем. Он также позволяет понять, что предвещал бы миру исторический успех той или другой стороны.

Глобальное соперничество

Столкновение между Америкой и Россией является в настоящее время глобальным по своим размерам. Однако вначале оно не было таковым. «Холодная война» началась как соперничество между морской и континентальной державами за обладание тем, что осталось от Европы. Советская сторона явно ожидала, что в послевоенный период Соединенные Штаты выведут свои войска из Европы. Это в немалой степени проистекало из твердого обещания, которое дал Сталину президент Рузвельт. Поскольку все основные европейские державы были разгромлены или истощены войной, присутствие Красной Армии в сердце Европы имело бы решающие геополитические последствия. Если бы Америка ушла из Европы, западноевропейским странам пришлось бы подчиниться требованиям Москвы.

Тем не менее, Америка быстро пришла к выводу, что она не может оставить Западную Европу. Соединенные Штаты были связаны с этими странами Атлантическим океаном, являясь в культурном и политическом отноше-

ниях частью единого сообщества. По мере того как Америка все больше занималась европейскими делами, и она, и Россия пришли к парадоксальному выводу, что ни та, ни другая страна не достигнут своих целей, если они не будут стремиться быть до некоторой степени похожими друг на друга. Америке было необходимо стать территориальной державой. Она добилась этого, создав трансконтинентальный союз, разместив крупные американские наземные силы в Европе и поддержав их своей военно-морской и военно-воздушной мощью, а также ядерной гарантией. Ядерная угроза компенсировала в первые годы сравнительную слабость находившихся в Европе американских вооруженных сил обычного типа.

В противовес этому Советский Союз, скованный в своих силах в Европе и на первых порах запуганный ядерной монополией США, должен был не только заполучить ядерное оружие, но и увеличить свою военно-морскую мощь, что позволило бы ему вырваться из созданных Соединенными Штатами в Европе тисков сдерживания. К концу 50-х гг. Советский Союз сумел решить обе задачи. Нарращивая свою мощь, он начал игнорировать политику сдерживания и распространять свое политическое, идеологическое и военное присутствие на регионы, находящиеся далеко от Европы. Он обеспечил себе длительное присутствие на Кубе и в Индокитае, создал временные плацдармы в Индонезии, Африке и на Ближнем Востоке. В 70-е гг. он повел геополитическое наступление на «третий мир», распространяя влияние на Южный Вьетнам, Камбоджу (Кампучию), Лаос, Эфиопию, Южный Йемен, Анголу, Мозамбик, Афганистан и Никарагуа и увеличивая свое присутствие в ряде других стран. В 80-е гг. советское военное присутствие начало распространяться по всему миру, хотя Советский Союз по-прежнему остается преимущественно континентальной державой. В настоящее время просоветские режимы разбросаны по всему земному шару.

Глобальное противоборство между Америкой и Россией — явление новое. Никогда ранее две державы не соперничали на столь широком фронте. Более того, никогда ранее ослабление могущества одной из главных соперничающих держав не давало другой значительного глобального преимущества. Даже вторая мировая война, приведшая к возникновению американо-советской дуополии, не могла бы иметь такого одностороннего исхода. Германояпонская победа привела бы к разделу мировой добычи, хотя Западное полушарие, по крайней мере в течение некоторого времени, оставалось бы в значительной степени вне пределов прямой германояпонской гегемонии.

Предыдущие крупные исторические соперничества были еще более регионально ограничены. Первая мировая война была прежде всего европейской войной, которую вели союзные державы с тем, чтобы не позволить Германии господствовать на континенте. Две неконтинентальные морские державы — Великобритания и Соединенные Штаты — внесли решающий вклад в ее исход, но последствия войны были в основном ограничены Европой. Точно так же войны, которые вел Наполеон, заключали попытку создать континентальную систему с целью бросить вызов Великобритании, и именно провал этой попытки дал Лондону главенствующее положение в мире. Но даже это отнюдь не являлось эффективным глобальным превосходством. Большая часть Европы и крупные регионы Азии и Западного полушария остались вне влияния Великобритании.

Глобальные масштабы современного соперничества вытекают не только из беспрецедентного столкновения между трансокеанской и трансконтинентальной державами, каждая из которых подкреплена собственной имперской системой, но и из совершенствования вооружений и средств массовой связи. Современное оружие с точки зрения как дальности, так и разрушительной силы наполняет содержанием концепцию действительно глобальной вой-

ны и придает реальное значение угрозе всеобщего уничтожения. Борьба за контроль над космическим пространством или, во всяком случае, недопущение монополии соперника в данной области является в настоящее время также составной частью борьбы за господство в мире.

В то же самое время сочетание средств массовой связи со всеобщей грамотностью делает политико-идеологическое соперничество географически неограниченным. Каждый континент подвергается влиянию противоречивых призывов и конкурирующих социальных моделей. Американские и советские концепции будущего и глубоко отличные друг от друга философские оценки условий существования человечества оказываются в большинстве случаев в центре обсуждения и полемики, ведущихся во всем мире.

Все отмеченные выше факторы способствуют превращению американо-советского конфликта в затяжное историческое соперничество на истощение. В ходе этого соперничества следует ожидать периодических изменений дипломатической атмосферы. Возможно, разрядка 70-х гг. будет возрождена в новой форме в конце 80-х гг. Однако случающиеся время от времени тактические компромиссы не могут заслонить постоянного противоборства, лежащего в основе взаимоотношений двух стран. Порожденный геополитическими реалиями, обостренный различиями в идеологиях и системах конфликт будет и далее лейтмотивом этих взаимоотношений. Но впервые в истории благоразумие, вызванное исключительно разрушительной силой ядерного оружия, является большим достоинством долгосрочной стратегии глобального соперничества, исход которого также впервые в истории не будет, вероятно, решаться путем прямого вооруженного столкновения.

ГЛАВА II. БОРЬБА ЗА ЕВРАЗИЮ

Хотя американо-советское соперничество имеет глобальные по своим масштабам размеры, его главным объектом является Евразия. Этот материк — геостратегический фокус соперничества и геополитический приз за победу. Борьба за Евразию носит многосторонний характер и ведется на трех главных стратегических фронтах — крайнем западном, дальневосточном и юго-западном.

Для Соединенных Штатов предотвращение советского господства над Евразией является необходимым условием достижения приемлемого исхода противоборства. Для Советского Союза выдворение Америки из Евразии с помощью политических и военных акций на всех трех главных фронтах остается необходимым условием достижения решающего успеха в историческом конфликте.

Борьба на этих трех фронтах влечет за собой преимущественно политическое соперничество, подкрепленное военной мощью. Однако на каждом из фронтов в разное время происходит непосредственное испытание воли в условиях применения силы или угрозы ее применения. Таким образом, в борьбе за главный континент земного шара переплетаются политическая воля и военная мощь.

Россия и Евразия

Недопущение в Евразию любой влиятельной внешней силы и подчинение себе всех остальных континентальных держав является для России не только геополитической целью, но и выражением исторических амбиций. Географическая ситуация России парадоксальна. Великая российская империя явно доминирует в военном плане над огромным

континентом, в котором проживает большая часть населения мира, который имеет наибольшую территорию и богатство и занимает центральное стратегическое положение по отношению к другим континентам. Вместе с тем, как свидетельствует карта, Россия является объектом особого рода изоляции и даже окружения. Несмотря на огромные континентальные размеры страны — она намного превосходит по величине любое другое государство земного шара, — Россия фактически замыкается материком. Она не имеет по-настоящему открытого выхода в мир. На одном конце материка Западная Европа эффективно блокирует выход России в Средиземное море и Атлантический океан. Выход России в Атлантику и за ее пределы сдерживается такими стратегическими препятствиями, как пролив Дарданеллы, находящийся между Черным и Средиземным морями, проливы Каттегат и Скагеррак, связывающие Балтийское и Северное моря, а также проход между Норвегией и Шпицбергом (через который, во всяком случае, существует путь из советских портов, вынужденных бездействовать в зимний период).

На юге доступ к Персидскому заливу и Индийскому океану перекрывается целым рядом государств — начиная с Турции, включая Иран, Пакистан, Индию и кончая Китаем. Граница с Китаем кладет предел советской империи на Дальнем Востоке, а Южная Корея и островная Япония являются последними сторожевыми заставами. В этом регионе Советский Союз также эффективно блокируется. Доступ в Тихий океан ограничен узкой полосой советского Дальнего Востока, причем выход из порта Владивосток сдерживается стратегически важным Цусимским проливом, ведущим из Японского моря. Наконец, выход на севере почти постоянно закрыт ледяным барьером, и судоходство там невозможно.

Государственные деятели царской России и Советского Союза имеют следующую общую черту: и те и другие с

помощью непрекращающейся экспансии усиленно стремились добиться некоторых ключевых стратегических целей, которые должны были решающим образом изменить географическое положение их страны и обеспечить тем самым господство над континентом. Это не результат домыслов или подозрительного отношения к России, а исторический факт.

Еще до первой мировой войны Россия стремилась с помощью экспансии на Дальнем Востоке навязать Китаю договоры, которые дали бы ей эффективный контроль над Маньчжурией, а за счет обладания Порт-Артуром — доступ в Желтое море. Поражение России в русско-японской войне 1905 г. временно притормозило эти усилия и привело также к потере южной части стратегически важного острова Сахалин, которая отошла к Японии. В результате барьер, закрывающий России выход в Тихий океан, стал еще более прочным. Точно так же накануне и во время первой мировой войны Россия постоянно выражала желание получить непосредственный доступ в Средиземное море. Длительная борьба Москвы с Османской империей привела даже к непродолжительному столкновению во время Крымской войны (1853—1856) с франко-английской коалицией, стремившейся не допустить Россию в Средиземное море.

Та же цель была четко определена вскоре после начала первой мировой войны в официальной военной программе царизма. В документе, подготовленном одним из комитетов царского совета министров, вторая важнейшая цель России была сформулирована довольно кратко: «2) Осуществление исторических задач России на Черном море путем присоединения Царьграда (Константинополя) и Турецких проливов».

В этом же документе излагались цели экспансии России на запад. В нем содержались требования возвращения находящейся под контролем России Польше всех польских

земель, удерживаемых Германией, и тщательно продуманного расчленения Германии. Это привело бы к ликвидации самой мощной континентальной державы Европы и переходу господства на континенте к России. Стремясь обеспечить участие России в войне с Германией, руководители Франции и Англии с симпатией отнеслись к притязаниям Москвы в Польше, а в апреле 1915 г. согласились даже на аннексию Россией Константинополя и Турецких Проливов. (Не удивительно, что Сталин впоследствии считал, что у него есть все основания выдвигать те же требования!) Если бы царская Россия достигла поставленных целей, то это имело бы далеко идущие стратегические последствия, которые отчасти предвосхищали бы обстановку, возникшую в 1945 г.

Советские государственные деятели, хотя они и руководствуются революционной доктриной, продолжают разделять царские геополитические устремления. На I конгрессе Коминтерна в 1920 г. контроль над Польшей был провозглашен главной стратегической целью, так как он давал Советской России прямую связь с мощными революционными выступлениями в Германии, которые в свою очередь рассматривались как часть более широкого революционного движения во всем мире. Пришедшие к власти большевистские лидеры надеялись, что даже брожение в Азии будет иметь исключительно важное значение в борьбе за подрыв господства в мире западных империй. Лев Троцкий, который, возможно, был наиболее четким выразителем стратегии нового советского режима, разъяснял Центральному Комитету еще летом 1919 г., что «агитацию в Азии» следует усилить, так как «международная обстановка явно складывается таким образом, что путь в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии».

В последующие 20 лет не произошло советской экспансии и размеры бывшей царской империи даже умень-

шились. На западе Москва потеряла Польшу, Финляндию и государства Прибалтики. На юге ей не удалось присоединить часть северо-западного Ирана. На Дальнем Востоке она потеряла особые привилегии в Китае. Однако это было лишь передышкой в историческом развитии империи. Когда вторая мировая война вызвала новый этап неустойчивого положения в мире, стремления Москвы к достижению широких стратегических целей были возрождены с новой силой. Некоторые цели были достигнуты путем односторонних действий. В 1939 г. Сталин заключил сделку с Гитлером о разделе Польши. В 1940 г. были захвачены и аннексированы восточная часть Финляндии и Прибалтийские республики. В первые же послевоенные годы Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария и Восточная Германия были превращены в страны-сателлиты. В 1945 г. произошла оккупация Северной Кореи.

Были поставлены, но не осуществлены и другие крайне важные цели, хотя эти притязания вновь подтвердили евразийский размах стратегического мышления Москвы. Особенно неприкрытой демонстрацией советских амбиций были вопиюще откровенные нацистско-советские переговоры в конце 1940 г. (их полные протоколы сохранились в захваченных нацистских архивах) относительно совместного дележа добычи после ожидаемой победы нацистов. На этом этапе активного нацистско-советского сговора сталинский министр иностранных дел (и идейный наставник Громыко) Вячеслав Молотов посетил 12 ноября 1940 г. по приглашению Гитлера Берлин для обсуждения условий присоединения Советского Союза к Тройственному пакту, заключенному незадолго до этого между нацистской Германией, фашистской Италией и императорской Японией. Москва была информирована, что пакт был «направлен исключительно против американских поджигателей войны» и что его цель — помешать предоставлению американской помощи Великобритании. Молотову также

предложили принять участие в «разграничении интересов в мировом масштабе» между четырьмя странами, которые должны были получить наибольшие выгоды от предполагаемого поражения Великобритании.

В ходе долгих переговоров Молотов, заявивший, что он выступает от имени Сталина, весьма недвусмысленно одобрил мнение Гитлера, что «Соединенным Штатам нечего делать в Европе, Африке и Азии». Молотов в общем согласился и с предложением поделить Британскую империю. Однако на заявление немецкой стороны о необходимости того, чтобы Россия получила на юге «естественный выход к морю», Молотов откликнулся уклончиво, задав невинный вопрос: «К какому морю?» Он воздержался от немедленного и точного ответа на вопрос, каковы могут быть более широкие послевоенные цели Советского Союза, но быстро сообщил нацистским лидерам о заинтересованности СССР получить свободный выход из Черного и Балтийского морей.

Однако вскоре советские амбиции стали полностью очевидными. Нацисты составили протокол, в котором был определен предполагаемый раздел сфер влияния, в качестве секретного приложения к официальному заявлению о присоединении Советского Союза к Тройственному пакту. В соответствии с замечаниями Гитлера, сделанными в Берлине, Западное полушарие было оставлено в стороне, а предлагаемое «разграничение в мировом масштабе» интересов нацистской Германии, фашистской Италии, императорской Японии и Советской России касалось прежде всего Евразии и Африки. Для Советского Союза в немецком проекте предлагалась следующая формулировка: «Советский Союз заявляет, что его территориальные интересы сосредоточены к югу от государственной территории Советского Союза в направлении Индийского океана».

Официальный советский ответ, полученный две недели спустя, весьма показателен. Подчеркивая свою готов-

ность принять участие в четырехстороннем пакте, направленном против Америки и Англии, Кремль потребовал, чтобы в соглашение были включены признание Германией господствующей роли СССР в Финляндии и Болгарии, создание советской базы в проливе Дарданеллы и отмена японских привилегий на севере Сахалина, которые явились результатом войны 1905 г. Кроме того, в двух до некоторой степени повторяющихся формулировках Москва просила, чтобы в немецкий вариант протокола, в котором говорилось о главных целях СССР в южном направлении, было внесено дополнение о том, что «центром» и «основным объектом интересов Советского Союза» является «территория к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу».

Указание на эти два города в качестве конкретных географических пунктов, расположенных соответственно на Черном и Каспийском морях, резко противоречило туманной формулировке, составленной немцами. Предложенное дополнение свидетельствовало, что советские руководители тщательно обдумали проблему и были теперь готовы показать определенные ими цели. Ссылка на район, расположенный к югу от Баку, могла означать только Иран. Если учесть, что Советский Союз вновь одобрил положения немецкого проекта о сохранении территориальной целостности Турции, ссылка Москвы на район к югу от Батума указывала на Ирак. Таким образом, конечными целями были, по всей видимости, города Персидского залива Абадан и Басра, расположенные ближе всего к Советскому Союзу. Советский Союз явно стремился не только к контролю над огромными нефтяными ресурсами региона, но и к выходу на Персидский залив, а также к обеспечению своего присутствия на Ближнем Востоке. Масштабы этих требований, равно как и предложенный стратегический охват Германии с фланга в Скандинавии и на Балканах, убедили Гитлера в том, что долговременное соглашение со Стали-

ным невозможно, и три недели спустя появилась его знаменитая директива № 21 — план операции «Барбаросса».

Примечательно, что в своей экспансии на юг Россия всегда руководствовалась стратегическими соображениями, и русские военные теоретики — как дореволюционные, так и большевистские — открыто писали об этом. В прекрасном исследовании «Захват третьей параллели: геополитика и продвижение Советского Союза в Центральную Азию», помещенном в весеннем выпуске журнала «Орбис» (1985), Милан Хаунер подытоживает концептуальные основы этих постоянных устремлений и приводит убедительные примеры экономической заинтересованности России в продвижении на юг. В данном случае следует упомянуть о попытках получить непосредственный выход к Персидскому заливу и Индийскому океану с помощью строительства нескольких стратегических железнодорожных магистралей.

Военно-политические последствия такого строительства, проводимого мощным государством на территории сравнительно слабых и экономически отсталых стран, могут иметь решающее значение. Россия поставила перед собой цель построить две главные железные дороги: одну — из Баку через Иран в Бушир, расположенный на побережье Персидского залива, с ответвлением в Багдад и к порту Басра; вторую — из Ашхабада, находящегося в принадлежащей России Средней Азии, до важного в стратегическом отношении пункта Бендер-Аббас на побережье Персидского залива. Кроме того, планировалось строительство железнодорожных веток через территорию Афганистана, которые соединялись бы с уже существующими железными дорогами, идущими к югу в порт Карачи, лежащий на побережье Индийского океана. Эти проекты, прерванные первой мировой войной, несомненно, держал в мыслях Сталин, когда в 1940 г. он настаивал на том, чтобы Гитлер согласился с возобновлением продвижения России в южном

направлении. О них не могут не знать и нынешние советские стратеги.

Во время второй мировой войны военные цели Советского Союза неоднократно провозглашались на различных консультативных встречах с новыми англо-американскими союзниками — с различной степенью детализации, но с завидным стратегическим постоянством. Касаясь западной части континента и выражая надежду на уход Америки из Европы, Сталин выдвигал различные планы, которые не только предусматривали существование слабой Германии (при условии советского военного присутствия на ее территории), но и были направлены на то, чтобы в Западной Европе не осталось ни одной жизнеспособной крупной державы. Советский Союз также заявил о своей заинтересованности в получении контроля над принадлежащим Норвегии Шпицбергеном и стратегически важным островом Медвежий, расположенным между побережьем Норвегии и Шпицбергеном. Когда на Потсдамской конференции в июле 1945 г. Сталина поздравляли со взятием Берлина советскими войсками, он сказал задумчиво, что Александр I занял Париж. После этого он потребовал передачи Советскому Союзу части итальянских колоний в Средиземном море. Год спустя во время первого приема нового посла США генерала Уолтера Беделла Смита Сталин вновь подчеркнул стремление СССР получить базу в проливе Дарданеллы «в целях обеспечения нашей безопасности». В беседе с Милованном Джиласом, бывшим тогда ближайшим соратником Тито, советский руководитель печально заметил, что Советский Союз не решился занять всю Финляндию вследствие необоснованных опасений вызвать энергичное противодействие со стороны США.

В мае 1945 г. Сталин еще более откровенно, чем во время Ялтинской конференции, изложил советские замыслы на Дальнем Востоке. Когда эмиссар президента Рузвельта Гарри Гопкинс в беседе с советским руководителем